

Последнее свиданье

Зачем это ты, матушка,
Кручинишься всегда
И отдыха и праздника
Не знаешь никогда?
Коли вот дома дедушка,
Так ты сидишь себе,
Как будто и здорова ты
И весело тебе;
А чуть одна останешься
Иль дедушка заснет,
Всё плачешь ты да молишься,
Аж грусть меня возьмет.
Ты не грусти, касаточка,
Поди ко мне, присядь,
Я буду сказку сказывать,
Коли не хочешь спать.
Сошью тебе и куколку;
Ты никогда, смотри,
Подружкам или дедушке,
Дружок, не говори,
Что плачу я... Ты умница,
Всегда такою будь.
Ну, сядь же, поцелуй меня,
Приляг ко мне на грудь.
Вот так. Что, хорошо тебе?
Ну, спи тут у меня.
Какая ты красавица,
Касаточка моя.
А я в обед с подружками
Играла на гуме...
Зачем это, родимая,
Они смеются мне?
А где, дескать, отец-ат твой
И как его зовут,
И сами переглянутся
Да со смеху помрут...

Сказать им не придумаешь
В ту пору ничего.
И станет что-то стыдно мне...
Не знаю отчего.
Твои подружки дурочки,
Не след к ним и ходить;
А ты, моя касаточка,
Ты станешь мать любить?
Ну, вот ты и заплакала!
Нечаянно войдет,
Глядишь, в избушку дедушка
Бранить тебя начнет.
Не буду, ненаглядная,
Послушаюсь тебя.
Ну, вот уж мне и весело.
Ну, обними ж меня!
Горит заря вечерняя,
Листы деревьев молчат,
Во ржи густой без умолку
Перепела кричат.
Вдоль речки тени длинные
Легли от берегов.
Туман встает и стелется
По бархату лугов.
По роще шум от мельницы
Во все концы идет,
И шум тот роща слушает,
Листом не шевельнет.
Давно в избушке смерклося;
Покрывшись зипуном,
Малютка спит, не тронется,
На лавке под окном.
Мать сучит шерсть на варежки,
Ночник едва горит,
А серый кот на конике
Мышонка сторожит.
Но вот звенят бубенчики
И слышен скрип ворот,
Дверь настежь отворяется,

Гость нежданный идет.
Плечистый и приземистый,
Лицо что маков цвет,
Бородка светло-русая,
На лбу морщинки нет.
Халат суконный на плечи
Накинут щегольски,
Рубашка темно-синяя,
Со скрипом сапоги.
Вошел он бойкой поступью,
Картуз проворно снял,
Раскланялся с хозяйкою
И весело сказал:
Настасья Агафоновна,
Поклон тебе и честь!
Я к вам по старой памяти,
Прикажешь ли присесть?
Хозяйка зарумянилась
И молвила в ответ:
В угодку ль будет батюшке?
Его, вишь, дома нет.
Э! что тут, всё уладится:
Прикрикнет помолчи.
Вот ты о самоварчике
Сперва похлопочи.
И кучеру кудрявому
Купчина молодец
Велел достать под войлоком
Дорожный погребец.
На девушку с улыбкою
Настасье указал
И два медовых пряника
Ей молча передал.
Гуляют тучи по небу;
Село покойно спит;
На тайны мира здешнего
Ночь черная глядит.
Всё видит, где что деется,
Всё знает издавна...

И вот слезами крупными
Заплакала она...
Молчит Настасья бедная,
Не сводит глаз с окна;
Не смотрит ли кто с улицы
Всё думает она.
И страшно ей и совестно,
Беда, коли опять
Пойдет молва недобрая;
Куда тогда бежать?..
Купчине нет заботушки,
Сидит он за столом
И называет кучера
Набитым дураком.
Да скоро ли ты, увалень,
Подашь мне самовар?
И кучер с горя чешется
И раздувает жар:
Поотдохнет, пощурится,
Надсадит кашлем грудь
И снова принимается
В трубу со свистом дуть.
Ну, слава тебе господи!
Насилу пар пошел...
И самовар с досадою
Поставил он на стол.
Но только гость подвинулся
Поближе к огоньку,
Взял бережно из чайницы
Щепоточку чайку
И стал его заваривать
Беда как тут была:
Хозяина нелегкая
Как на смех принесла.
Старик седой с сутулиной,
Угрюмый и рябой,
На нем лаптишки старые,
В пыли чекмень худой.
Неласково и пристально

На гостя он взглянул,
Взглянул на дочь с усмешкою
И голову тряхнул.
Зачем это пожаловал,
Коли велишь спросить?
Да ты тут по-домашнему...
Уж чай уселся пить.
Нельзя-с... погреться надобно,
В дороге-то продрог...
Здоров ли, как смотаешься,
Как милует вас бог?
Ништо... живем по-старому...
А помнятся ль тебе
Слова твои разумные
Вот в этой же избе?
Давненько, сам ты ведаешь,
А я их не забыл.
Ты, пес, мне в ноги кланялся
И вот что говорил:
Прости меня... не гневайся...
Вот образом клянусь
Тебя на волю выкуплю,
На дочери женюсь.
Торгаш, торгаш бессовестный,
Ты рад, что обманул...
Уж лучше бы мне в ту пору
Ты в сердце нож воткнул.
Ведь я теперь посмешище
У добрых-то людей.
А дочь как щепка высохла;
Всё от тебя, злодей.
Вон девочка несчастная,
Изволь-ка отвечать:
Что, любо нам на улицу
Бедняжку выпускать?
Смутился гость. Рукой со лба
Отер холодный пот
И думал: дело скверное,
Не в духе старый черт!

Пришлось кошель развязывать...
Эх, Агафон Петров!
Ну, стоит ли нам ссориться,
Шуметь из пустяков!
Как быть! Не то случается
На свете меж людьми,
Да все концы хоронятся...
Вот сто рублей... возьми!
Старик назад попятился,
Немного покраснел
И на Настасью бледную
Пытливо поглядел.
Ну, дочка... вот ты плакалась:
Нас нищими зовут,
Казна, вишь, с неба валится,
Бери, коли дают.
Дочь вспыхнула, что зарево,
И к гостю подошла;
В глазах у ней мутилось,
Но речь тверда была:
Не надо нам казны твоей!
Не смейся надо мной!
И деньги на пол бросила
Дрожащею рукой.
Вишь, молвил гость, знать, дешево
Чужое-то добро.
И гнулся в три погибели,
Сбирая серебро.
Седой старик не вытерпел
И крикнул: Осмотрись!
Пощупай и в лоханке-то
Там звякнуло, кажись!
Эх, Настя, Настя бедная!
Сгубила ты свой век!
Гляди, как тварь-то ползает;
А!.. тоже человек!..
Дочь опустила голову
И плакала навзрыд,
Как будто разом выплакать

Хотела гнев и стыд.
Ух, батюшки, измучился!
Всю спину изломал!
Насилу выпрямляясь,
Купчина рассуждал.
И, за дверь тихо выбравшись,
Стал кучера ругать:
Впрягай коней-то, увалень!
Покудова мне ждать?
Эхма! в ответ слышалось,
И, плюнув на ладонь,
Дугу взял кучер нехотя
И натянул супонь.
И стал просить хозяина:
Ой, как болит живот!
Чайку там не осталось?
Равно он пропадет.
Толкуй вот с деревенщиной!
Смеется ведь, смотри.
Пошел в избушку, увалень,
Что нужно, собери.
Гремят, звенят бубенчики...
Купчина под дождем
Свою досаду горькую
Отмщает на другом:
Дороги-то, дороги-то!
Поедешь, да не рад!
За чем это бездельники
Исправники глядят?
Молчит избушка тесная.
Настасья в темноте
Стоит и богу молится
О дочке-сироте.
Старик лежит и думает:
Еще прожит денек.
А что-то завтра старосте
Скажу я про оброк...